

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АН СССР

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.
Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление
исторической мысли испанского Просвещения
Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного
сознания (исследование литературной
корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье
о республике и их оценка в жирондистской прессе
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики
периода якобинской диктатуры

(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции
Петинова А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция
Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша
на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата автора соискание ученой степени
доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской
и американской революций XVIII в. в становлении
общественно-политических взглядов А.Кораиса

Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргаля

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

Елена Климовна Кузьмичева
ФЕЙХОО-И-МОНТЕНЕГРО
И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ИСПАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Отношение к истории как к учительнице жизни, понимание ее огромного воспитательного потенциала было характерной чертой европейской общественной мысли Нового времени. Эта традиция восходит к концепциям гуманистов и ученых эпохи Возрождения, которые особо подчеркивали необходимость использования истории для обучения и формирования гармоничной личности. По мере развития национального самосознания возрастал и интерес людей к своему прошлому. Поэтому неудивительно, что именно в XV–XVI вв. во Франции, Италии, Англии из года в год увеличивалось количество публикуемых исторических документов и предпринимались попытки их критического осмысления. Несколько иначе протекал этот процесс в Испании. Расцвет историографии пришелся здесь на вторую половину и конец XVIII в. В это время вышли в свет такие значительные исторические произведения, как "Воспоминания католических королей" (1761 г.) и "Нумизматические памятники колоний и муниципий античной Испании" (т. I и 2 – 1757–1758 гг., т.3 – 1773 г.) Энрике Флореса (1702–1773 гг.), двадцатитомная "Критическая история Испании" (1763–1805 гг.) Х.В. Маслеу (1744–1817 гг.), "Критико-исторический театр" (1736 г.) Антонио де Капмани (1742–1813 гг.), "Краткая библиотека лучших испанских авторов эпохи Карла III" (1785–1789 гг.) Х.Семперо-и-Гуариносо (1754–1830 г.) и "Речь о том, как следует писать и совершенствовать историю Испании" (?) Х.П. Форнера (1754–1797 гг.)¹. Обращение к истории становится общим для всех мыслителей, государственных и общественных деятелей эпохи: "Занятия историей из узкой сферы исследований эрудитов и времяпрепровождения праздных бездельников превращаются в незаменимый практический инструмент для всякого, кто желает быть полезным своей стране. Каждый просветитель – юрист, экономист, географ – прежде всего был историком"². С чем же бы-

ло связано необычное увлечение прошлым в Испании конца XVIII в.? Вероятно, с тем, что в это время испанская интеллигентная элита стала отчетливо осознавать необратимость утраты прежнего величия, того международного авторитета, которым страна пользовалась в XV–XVII вв. Но вопрос о месте и влиянии пирснейской культуры в Европе оставался открытым. Важнейшим стимулом активизации духовной жизни в стране могло стать напоминание о былом могуществе и расцвете культуры и искусств. Таким образом, "история... становится орудием критики, реформ в интеллектуальной области, а иногда и средством для обоснования социальных реформ"³. Примечательно, что крупнейшим испанским просветителем и государственным деятелем XVIII в. Г.М. де Ховельянос (1744–1811 гг.) неоднократно писал о значении истории и сетовал на недостаточность и односторонность трудов о прошлом страны: "Где книги по гражданской истории, которые бы объяснили бы происхождение и развитие нашего законодательства, наших обычаев, наших подвигов и нашего ничтожества?"⁴ вопрошал он.

Вторая половина XVIII в., по мнению некоторых современных исследователей, оказалась для Испании эпохой подлинной "революции в историографии". Именно тогда история начала превращаться в этой стране в науку, тогда как раньше историки занимались, по большей части, перечислением и описанием тех или иных событий. (Заметим, что в других европейских государствах, и прежде всего в Италии, эти изменения наметились еще в период позднего средневековья). Так, в трудах испанских авторов XVIII века прослеживаются попытки выявить причинно-следственные связи, обосновать закономерность исторического процесса; вместе с тем большинство авторов не порвало до конца с принципами средневековых хронистов, например, с верой в божественное провидение. Тем не менее, стремление получить "точную информацию о прошлом, с помощью которой можно было бы понять национальный характер, познать пороки и добродетели нации"⁵ приблизило испанскую историческую школу конца XVIII в. к научному знанию.

Тем не менее, в советской историографии долго преобладало мнение о чисто экономическом характере испанского Просвещения⁶, что не вполне соответствует реальным фактам. Это объясняется искусственным сужением рамок эпохи Просвещения годами царствования Карла III (1759-1788 гг.), т.е., по существу, Просвещение подменяется просвещенным абсолютизмом. Одновременно его содержание ограничивается творчеством наиболее выдающихся общественных и государственных деятелей - Аранды, Флоридабланки, Кампананеса и Ховельяноса. В результате вне исследования остаются не только современники этих последних, но и все раннее Просвещение. Между тем, еще исследователи конца XIX - начала XX в. заметили, что вся испанская общественная мысль XVIII в. развивалась под знаком Просвещения, при всем своеобразии и неоднозначности его форм⁷. Игнорирование этого факта приводит к искаженной трактовке позднего, "классического" Просвещения. Оторванное от своих национальных корней, лишённое исторической перспективы, оно даже объявляется не-которыми исследователями несамостоятельным, заимствованным⁸. Для того, чтобы выяснить этот вопрос, необходимо, прежде всего, обратиться к истокам испанского Просвещения, в том числе к наименее исследованной его части - исторической мысли, которой, по нашему мнению, принадлежало особое место в становлении самосознания испанского народа.

Первая половина XVIII в. в Испании ознаменовалась подъемом общественной мысли, что нашло воплощение в движении "новаторов" (предшественников Просвещения)⁹. Они выступили с резкой критикой невежества, предрассудков, тормозивших как экономическое, так и культурное развитие страны. Их произведения о прошлом и настоящем Испании пронизаны патриотизмом. Таковы "Критика неправдоподобных историй" (1742 г.), "В защиту короля Витосы" (1732 г) и "Жизнь Миранды Сервантеса" (1737 г.) Г.Майанса-и-Сискара (1699 - 1781 гг.), "О происхождении галисийского языка" (?) М.Сармьянто (1695 - 1771 гг.), а также "Всеобщий критический театр" (1726-1739 гг.) и "Любопытные и ученые письма"

(1745 г.) Б.Х.Фейхоо-и-Монтенегро¹⁰. Труды Фейхоо вызвали небывалую полемику. Так, только при жизни автора было опубликовано 115 произведений, выступавших "за" или "против" его "Театра..."¹¹. Идеи Фейхоо оказали несомненное влияние на современников, а его мысли об истории и судьбах Испании нашли отклик и у последующих поколений. Фейхоо, в основном, намечил проблемы, ставшие предметом исследования в конце XVIII в. Таким образом, он стоял у истоков просветительской историографии в Испании, что мы и намерены показать в настоящей статье.

Обращение к истории имело особое значение в эпоху Фейхоо. В экономической области в конце XVII в. появились первые признаки подъема после упадка, продолжавшегося около ста лет. Но разразившаяся в 1701 г. Война за испанское наследство не только разорила восточные провинции и внутренне дестабилизировала страну, но и поставила под сомнение самое существование суверенного испанского государства. Однако война имела и положительные последствия. С возвращением французской династии в Испании начинают уделять большее внимание науке, культуре; учреждаются многочисленные музеи, библиотеки, академии. Кроме того, испанцы получают возможность более детально познакомиться с передовой для того времени французской культурой, что неминуемо ставит перед ними вопрос о месте их родины в духовной жизни Европы, о предполагаемых путях развития Испании. Этими вопросами задавался и Фейхоо...

* * *

Исторические воззрения Фейхоо весьма гетерогенны. У него не было четкого представления о сущности исторического процесса, об историческом источнике. Так, к примеру, Фейхоо, вслед за средневековыми историками, не делал разграничения между историческими фактами и библейскими мифами. Мыслитель не отрицал и достоверности древнегреческих мифов, полагая, что в основе их всегда лежат реальные события, которые в памяти многих поколений претерпели изменения и постепенно обрели сказочную форму. Поэтому историк, по мнению Фейхоо, может использовать народные предания в

своей работе, если сумеет в массе вымышленных деталей найти соответствующие действительности факты. А для этого, считал ученый, необходимо тщательно сравнивать легенды разных народов и сопоставлять их с тем, что нам точно известно из других источников, в частности, из археологических¹². Как мы видим, суждения Фейхоо об историческом источнике все же отличаются некоторой критичностью, чего нельзя сказать о его предшественниках¹³.

Интересно мнение ученого о движущих силах истории. Для католической историографии было типично представление о божественном провидении как о причине событий. Передовая мысль эпохи Возрождения выдвинула предположение о том, что историю творит человек. Не отрицали гуманисты и роли "слепого случая", судьбы, которые, впрочем, никогда не были для них чем-то фатальным и не отождествлялись с божественной волей. Макиавелли, напротив, призывал бороться с судьбой. Фейхоо же, не отказываясь окончательно от идеи божественного вмешательства в земные дела, считал, что историю делают выдающиеся люди – короли, полководцы, церковники. Роль же народа в истории в его трудах сведена до минимума, народ выступает лишь как безликая, пассивная масса, руководимая "сильными личностями". Примечательно, что в то же время мыслитель указывал на огромное значение трудящихся, простолюдинов в повседневной жизни: "Без тех, кто растит хлеб, государство не может существовать"¹⁴, – писал он. С этой мыслью у Фейхоо тесно связана мысль о критерии исторического прогресса, в качестве которого выступает "общее благо". На поверку "общее" благо превращается в "государственное". Но традиционное гуманистическое представление (вспомним, что еще Антонио де Гевара, один из идеологов испанского абсолютизма, защищал идею "государственной пользы") получает здесь несколько иную трактовку: поскольку процветание государства основано на труде народа, нужно заботиться о благосостоянии простых тружеников, а плох тот правитель, который об этом забывает¹⁵.

Особое внимание Фейхоо уделял вопросам методики исто-

рического исследования. Он полагал, что качество исторического труда непосредственно зависит от личности исследователя и потому очень важно обучение начинающих историков. В качестве назидания ученый обратился к произведениям наиболее видных историков древности и нашел в них целый ряд недостатков¹⁶. Но эти критические замечания Фейхоо высказывал не от своего имени, а вложил их в уста некоего французского прелата Камбрэ, а точнее – философа и педагога Франсуа Фенелона (1661–1715 гг.), который, действительно, был одно время епископом г. Камбрэ. На наш взгляд, отсылка к Фенелону примечательна и требует комментария. Дело в том, что в конце XVII в. во французской академии разгорелся бурный спор о сравнительных достоинствах древней и современной литературы. Фенелон отдавал предпочтение античной культуре и выступил в ее защиту. Однако он не был склонен идеализировать древних авторов, указывал на их ошибки и, таким образом, стремился занять позицию "золотой середины"¹⁷. Цитируя Фенелона, Фейхоо сам включался в дискуссию об античном наследии...

Не ограничиваясь перечислением несовершенств в трудах по истории, Фейхоо пытался проанализировать причины ошибок античных и современных ему авторов. Он понял, что люди склонны к субъективным оценкам. Основное зло, мешающее объективному воспроизведению исторических событий, по мнению Фейхоо, коренится в самой человеческой природе: историки, как и все люди, не свободны от пристрастий, и это отражается в их трудах¹⁸. Мыслитель не исключал и возможности прямого давления великих мира сего на летописцев: "...бывает, что страх заставляет историков сойти с прямого пути. Когда их не ослепляет собственная страсть, им мешает чужая"¹⁹. Очень часто это случается, замечает он, когда историк берет-ся описывать современность: "Чем он ближе к описываемым событиям, тем ближе к его глазам истина, тем больше у него возможностей познать ее; но и тем больше подозрений, что различные привязанности заставят его затемнить эту истину"²⁰.

Объективности исторического исследования порой мешает

и чрезмерная любовь к родине: "Наши испанцы часто жалуются, что французские писатели в своей ненависти к нам отрицают славные успехи нашей нации, возвеличивая свои достижения"²¹. Но Фейхоо признает, что и его соотечественникам свойственен "испаноцентризм"²². Ученый выступил против подобных "лжениациональных" чувств, справедливо указывая на тот вред, который они могут принести.

Примечательно, что Фейхоо, глубоко верующий католик, признавал и паучобность религиозной розни, ^{видел в ней} препятствие на пути к исторической истине. С прискорбием он отмечал, что "многие католические историки погрязли в клевете"²³, не меньше, чем историки-протестанты. В качестве примера вопиющей необъективности ученый приводил предвзятое отношение тех и других к истории Ватикана, а также к Генриху VIII и Елизавете Английской.

Помимо "страстей" и "привязанностей", будь то приверженность к какой бы то ни было религии, гипертрофированное национальное чувство или боязнь не угодить могущественным лицам, историки, по мысли Фейхоо, не лишены и других человеческих пороков. Причиной некорректности многих трудов о прошлом он, как и Сенека, которого он цитирует, считал легковерие, небрежность, лживость их авторов, а также недостаток у них критичности²⁴, т.е. неумение сравнивать и проверять используемые сведения.

Фейхоо, однако, считал эти недостатки легко устранимыми. Со свойственным ему идеализмом и верой в совершенствование человеческой природы мыслитель обратился ко всем начинающим историкам (да и вообще исследователям) с рядом рекомендаций. Прежде всего, необходимо овладеть определенными знаниями, для чего Фейхоо советует молодым ученым как можно больше читать. "Недостаточность чтения", т.е. невежество, ученый называл корнем всех бед, источником всех заблуждений: "Тот, кто мало читает, часто принимает за точное мнение и даже фальшивое"²⁵. Круг чтения должен быть максимально широк, иначе у исследователя составится слишком одностороннее, а значит, неверное представление о предмете²⁶. Как мы видим, советы Фейхоо предполагают

приобретение книжных, а не практических, жизненных знаний. Вероятно, это объясняется тем, что сам ученый вел за-творническую жизнь, почти не занимался общественной деятельностью.

Далее, напоминал Фейхоо, каждому молодому ученому нужно научиться систематизировать накопленные знания. В Испании это было требованием века. Если раньше историки занимались там, в основном, публикацией документов и выясняли их подлинность, то в конце XVII – начале XVIII вв. перед ними уже встала задача обобщения и систематизации имеющихся материалов, а затем и их использования. Умение систематизировать, по Фейхоо, – это умение выделять в массе факторов главные события, находить их причины и предвидеть следствия²⁷. Таким образом, в этом вопросе Фейхоо вплотную подошел к признанию существования причинно-следственной связи между событиями, что было важным шагом для испанской историографии того времени.

Наконец, ученый очень определенно сформулировал требования к личности исследователя. Историк должен обладать огромной любовью к правде, пытливым умом, методичностью, здравым смыслом, проникательностью, ясным и благородным слогом.²⁸ Фейхоо понимал, что эти качества редко соединяются в одном человеке, но тот, кто сумеет их в себе развить, создаст поистине гениальный исторический труд...

Характеристика мыслей Фейхоо о методах создания исторических трудов останется неполной без анализа его отношения к проблеме познания. То, что мыслитель переносил акцент на личность исследователя, не означает, что постижение истины он ставил в зависимость лишь от прилежания и образованности отдельных людей. Ему был присущ некоторый агностицизм, рас пространенный, в том числе, и на историческое познание. Едва ли не самой существенной причиной низкого качества трудов по истории он считал невозможность полного выявления истины²⁹. Более того, он писал: "Историческая правда во многих случаях так же непостижима, как и философская"³⁰. Это же Фейхоо подразумевал под исторической правдой? Сам

мыслитель нигде об этом не упоминал, но, по нашему мнению, из всего контекста его рассуждений следует, что "абсолютная историческая истина" для него — это первопричина событий, движущие силы истории. Как мы отмечали, он склонялся к мнению о том, что историю делают люди, но что, в свою очередь, движет людьми — божественная ли воля, собственные их страсти, слепой случай или некий объективный закон? Единого ответа на этот вопрос Фейхоо не нашел (а, может быть, и не искал), в каждом конкретном случае решая его по-разному.

И все же, несмотря на некоторый пессимизм и сомнения, философ не отказывал человеку в свободе познания, более того, связывал постижение истины с развитием светских наук. Он верил в человеческий разум и надеялся, что его советы помогут молодым ученым в их поисках если не абсолютной, то хотя бы относительной истины.

ж ж ж

Интересно проследить, какие выводы сделал Фейхоо из своей философии истории, что он, к примеру, думал о прошлом Испании. Этой теме посвящено немало его работ и, в том числе, программный очерк "Слава Испании", цель которого — "показать нынешней Испании Испанию древнюю, нынешним испанцам — славу их предков, сыновьям — заслуги отцов, чтобы . . . ветви единого древа не забыли о своем стволе и корнях"³¹.

Хронологически очерк начинается с описания античного Пиренейского полуострова, а заканчивается воцарением Карла V (1519—1555). Это время, по представлениям Фейхоо, было исконно испанским периодом, с утверждением же в Испании династии Габсбургов началась иная, "австрийская", эпоха, продолжавшаяся до конца XVII в., а затем очередная смена династии ознаменовала собой наступление "французской" эпохи.

Античную историю Испании Фейхоо ведет со времени походов Ганнибала. Как известно, в результате этих походов

большая часть полуострова попала под власть Карфагена, первые попытки колонизации Пиренейского полуострова были предприняты карфагенянами в начале III в. до н.э.), а несколько позже, после II Пунической войны, Испания была превращена в римскую провинцию (201 г. до н.э.). Но Фейхоо не интересовали ни причины побед карфагенян и римлян, ни административное устройство Пиренейского полуострова, ни его социально-экономическое развитие в этот период. Единственно, на что Фейхоо обращает внимание — это мужество испанцев³². Будучи, например, осаждены в Сагунто (219 г. до н.э.), воины, а также женщины, старики и дети "предпочли умереть с оружием в руках и быть похороненными под развалинами, чем безоружными покинуть город"³³. Т.о., для Фейхоо, идеалиста, главное в испанской истории — это гордый и мужественный дух испанцев. В своем очерке он пытался проследить проявления этого духа на протяжении веков. Интересно, что даже свидетельства Фукидида, Катона, Тита Ливия о древней Испании ценны для Фейхоо только своими упоминаниями о свободолобии его предков³⁴. Римской империи Фейхоо же касался только иногда, когда писал о славе, которую принесли ей сыны испании — императоры Траян, Адриан, Теодосий, поэт Марциал, философ Сенека³⁵, причем, несомненно, несколько преувеличил их роль в истории Древнего Рима...

Из античной Испании у Фейхоо, без каких бы то ни было потрясений, вырастает Испания средневековая. Вспомним, что в XV—XVII вв. вопрос о соотношении античности и эпохи средних веков решался по-разному. Известно, что гуманисты превозносили античную культуру, часто противопоставляли ее средневековой. Многим выдающимся государственным и общественным деятелям была свойственна идеализация демократического устройства древнегреческих городов. В XVI в. были и критические отзывы об античности, но в целом преобладало положительное отношение к ней. Современники Фейхоо (Французские просветители, в частности), приняв предложен-

ное еще гуманистами трехчленное деление всеобщей истории на древнюю, среднюю и новую, были поэтому склонны к противопоставлению античности и средневековья. У Фейхюо совсем иной подход к этим проблемам. Он не видел особой разницы между этими двумя эпохами, поскольку отсчитывал новый исторический период от года официального принятия христианства (313 г.), хотя в Испании оно распространилось и укрепилось значительно позже – в V–VI вв.

В идеалистическом духе решен у Фейхюо и вопрос об античном наследии. Не отрицая значения древнегреческой и древнеримской культуры, но и не преувеличивая его (вспомним критику древних историков, ссылки на Фенелона и дискуссии "о древних и новых"), мыслитель повернул этот вопрос иначе: он считал, что единственным "античным наследием" для Испании могла стать и на деле стала любовь испанцев к свободе, их готовность бороться за независимость и веру³⁶. Другими словами, античность, средние века и новое время применительно к истории Испании для него равнозначны.

В период средних веков черты национального характера испанцев наиболее ярко проявились в Реконкисте – отвоевании ими своих земель, потерянных в VIII в. в результате арабского завоевания. Полностью игнорируя социальные (и идейные) причины нашествия, Фейхюо объяснял его актом божественной воли: "Бог наказал проступки короля, наслав несчастье на его народ"³⁷. (Это замечание ученого, как и некоторые другие, подтверждает наши предположения о его сомнениях относительно движущих сил истории). Единственное же положительное последствие вторжения арабов Фейхюо видел в том, что она дала испанцам повод показать всему миру свое мужество и, таким образом, "несчастье обернулось источником славы"³⁸, ибо "ни один народ никогда не совершал столько подвигов, сколько должен был совершить испанский народ"³⁹, прежде чем вернуть утраченные земли.

На первый взгляд может показаться, что Фейхюо, идеализируя испанцев – защитников родины и веры, понимал Реконкисту в духе средневековых баллад и недалеко ушел от типич-

ных образцов феодальной историографии. Это не совсем так. Фейхюо был первым из испанских историков, приблизившихся к восприятию Реконкисты как сложного, противоречивого, многостороннего процесса. Именно поэтому он не ограничился описанием военных подвигов, но пытался обобщить события политической истории страны того периода.

Обосновывая необходимость единства Испании (а даже в эпоху Фейхюо задача централизации не была решена до конца), философ с горечью писал о расприх между постепенно освобождавшимися из-под власти арабов и обособлявшимися испанскими провинциями. Он справедливо видел в междоусобных войнах препятствие успешному продолжению Реконкисты: "...из-за того, что отвоеванные провинции распались на несколько враждующих государств, усобицы правителей весьма тормозили это важное дело"⁴⁰ (воссоединение страны. – Е.К.). Действительно, к 1248 г. в руках мавров оставалась только Гранада, освобождение которой затянулось на два с лишним века из-за несогласованности действий испанских феодалов. Особенно Фейхюо критиковал политику кастильского короля Педро Жестокого, при котором испанский народ "повернул оружие против себя самого, как зверь, пожирающий собственные внутренности"⁴¹.

Поворотными пунктами истории Испании мыслитель называл объединение Леона и Кастилии (1230 г.) и объединение Кастилии и Арагона (1479 г.), а также создание единого законодательства при короле Альфонсо X Мудром (1254–1284 г.г.) – так называемых Семи Партид⁴².

Историю Реконкисты, а вместе с тем и исследование по истории "догабсбургской" Испании Фейхюо завершил традиционным восхвалением в адрес католических королей Изабеллы и Фердинанда, у которых все европейские государи учились мудро управлять своими подданными⁴³.

Что касается "австрийских" преемников Фердинанда и Изабеллы, то главную их заслугу Фейхюо видел в том, что они продолжали начатую католическими королями христианизацию Америки. Фейхюо с негодованием выступил против "черной легенды", описывавшей вар/варское уничтожение цивилизаций

Южной и Центральной Америки. Он утверждал, что все это — измышления тех, кто завидовал Испании, получившей богатые владения в новых землях. Более того, он оправдывал действия испанских конкистадоров тем, что индейцы якобы были каннибалами и их следовало наказать за это и, объяснив им их заблуждения, обратить в христианскую веру⁴⁴. Фейхуо восхищался и то, что в то время, когда Литер и другие еретики в Европе отнимали у католической церкви страну за страной, испанцы преподнесли папе Новый Свет⁴⁵... Призывая к беспристрастности, Фейхуо сам оказался пристрастным. Он готов был закрыть глаза на все преступления завоевателей Америки потому, что, как ему казалось, их "подвиги" принесли Церкви новую славу и богатства. Оправдание захватнической политики, обвинение индейцев во всевозможных грехах были типичны для реакционных идеологов господствующего класса. Остается только пожалеть, что некоторые из мнения разделял и Фейхуо.

Немало страниц Фейхуо посвятил и доказательству того, что его соотечественники преуспели в науках и искусствах, а не только на полях сражений. Он перечислил всех (или почти всех) средневековых испанских ученых, писателей, юристов, теологов, дал краткое описание их работ и показал, что было особенно значительно в их трудах, что новое они внесли в ту или иную отрасль науки. Эти материалы Фейхуо и сейчас представляют определенную ценность, поскольку автор систематизировал их и снабдил необходимыми примечаниями⁴⁶. Впрочем, нам представляется, что не все выводы Фейхуо о достижениях испанской науки правомерны. Он, безусловно, преувеличивал вклад сограждан в развитие европейской культуры и науки...

Итак, нетрудно убедиться в том, что сам Фейхуо в своих работах по истории не всегда оказывался на высоте своих же постулатов о беспристрастности и объективности. История Испании в его интерпретации носит апологетический характер и весьма тенденциозна. Предвзятость мнений Фейхуо очевидна, когда он пишет о церкви. Другими словами, его идеал объективного исследователя на поверку оказался довольно хрупким — мыслитель очень далек от него.

Что же, в таком случае, позволяет нам говорить о значимости его исторических воззрений и необходимости их дальнейшего изучения? Дело в том, что Фейхуо, в основном, наметил путь развития исторической мысли эпохи Просвещения в Испании. Его собственные труды вряд ли можно назвать просветительскими — слишком сильны в них представления, традиционные для феодальной и католической историографии. Но своеобразие испанского Просвещения и заключалось в том, что оно не выступало против церкви, а, наоборот, носило клерикальный характер. Не следует забывать и о том, что Испания XVIII века — это страна с феодальными порядками, борьба с которыми затянется на многие десятилетия. Все это нашло отражение в произведениях Фейхуо. Безусловно новым для его страны и эпохи в них было, пожалуй, лишь стремление к обобщению знаний и их использование для просвещения, в самом широком смысле этого слова, — для борьбы с косностью, суевериями, пережитками. Именно так понимал свои задачи сам Фейхуо.

Велика и заслуга Фейхуо в разработке конкретных проблем испанской истории. Исследователи второй половины и конца XVIII в. вслед за ним обратились к античности и раннему средневековью Испании, переняли его принципы периодизации и своеобразное отношение к преемственности эпох. Флорес, Масдеу, Капмани, Форнер, хотя и не были учениками Фейхуо, усвоили многие его идеи и развили их в своих работах. Так, Форнер, вынужденный писать апологию Испании, защищать родину от пренебрежительных замечаний французских авторов, сходным образом описывал прошлое своей страны. Он использовал и некоторые приемы Фейхуо, например, очерк об испанских писателях схож по построению с очерком последнего о деятелях национальной культуры и науки⁴⁷.

Огромный резонанс в последующие эпохи имели также мысли Фейхуо о двух Испаниях — традиционно-консервативной, изолированной от внешнего мира и ориентированной на Европу, оторванной от национальных корней⁴⁸. Сам философ, сторонник нового, патриот и вообще противник крайних течений, стремился примирить эти две противоположности и найти третий путь, единственно приемлемый. Питая глубочайшее уважение к нацио-

нальным традициям и достоинству Испании, он, тем не менее, не мыслил ее вне Европы, его волновало, какое место его родина займет в европейском содружестве⁴⁹. Но тема "двух Испаний" выходит за рамки нашего исследования и нуждается в специальном изучении.

По нашему мнению, все это позволяет говорить о Фейхоо как о предтече исторической мысли эпохи Просвещения в Испании; одним из первых он понял, что знание настоящего своего Отечества невозможно без детального анализа его прошлого. Кроме того, сам факт появления в Испании первой половины XVIII в. оригинальных, незаимствованных исторических концепций заставляет иначе оценивать общественную мысль страны того времени....

Примечания

- 1 Piórez E. Memorias de las reynas católicas . Т.1-2-. - Madrid, 1970; idem. Medallas de las colonias, municipios y pueblos antiguos de España. Т.1-3. - Madrid, 1757-1773. Masdeu J.F. Historia crítica de España. Т.1-20. - Madrid, 1783-1805. Capmany A.de. Teatro histórico-crítico. Т.1-3. - Madrid, 1787. Sempere y Guarinos J. Ensayo de una biblioteca española de los mejores escritores del reinado de Carlos III. Т.1-3. - Madrid, 1969. Forner J.P. Oración apologética por España y su mérito literario. - Madrid, 1956. Idem. Discurso sobre el modo de escribir y mejorar la historia de España. - Barcelona, 1973.
- 2 Lopez F. Introducción // Forner J.P. Discurso... P.22-23.
- 3 Maravall J.A. Mentalidad burguesa e idea de la historia en el s.XVIII // Revista de Occidente, N107, Febrero de 1972. P.253.
- 4 Obra de Jovellanos. В.А.Е. Т.46. P.298.
- 5 См. Abellan J.L. Historia crítica del pensamiento español. Т.3. - Madrid, 1981. P.764-766.
- 6 Майский И.М. Испания 1708 - 1917 г. М., 1957. С.12-18. Лишь в последние годы О.В.Волосжик и В.В.Суховерховым делаются попытки более объективного рассмотрения некоторых

проблем испанского Просвещения.

- 7 См.: Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Т.3. - Madrid, 1881; Alcázar Molina C. El despotismo ilustrado en España // Bulletin des sciences historiques. - Paris, 1932. P.728-751.
- 8 См.: Lluch E. y Argemi i D'Abadal L. La Fislocracia en España // Sistema, 1983. Sept., N 56.
- 9 В советской исторической науке испанскому термину "pre-reformismo ilustrado" (предпросвещение) соответствует понятие "раннее Просвещение".
- 10 Mayans y Siscar G. Censura de Historias fabulosas. Valencia, 1742. Idem. Defensa del rey Witiza. Valencia, 1772; idem. Vida de Miguel Cervantes. Londres, 1737; Sarmiento, M. Estudio sobre el origen de la lengua gallega. Buenos Aires, 1943; Feijóo . Teatro crítico universal. Madrid, 1973-1975, Cartas eruditas y curiosas. М., 1928. О жизни Фейхоо и содержании его трудов см.: Кузьмичева Е.К. Идея справедливости в трудах Б.Х.Фейхоо-и-Монтенегро // история социалистических учений. 1987. М., 1987.
- 11 Feijóo. Teatro crítico universal (далее - Teatro...). Т.1. Madrid, 1975. P.55-78.
- 12 См.: Feijóo. Origen de la fábula en la historia. Divorcio de la historia con la fábula // Feijóo. Ideas literarias. - Madrid, 1963.
- 13 Фейхоо должен был знать о публикациях документов французскими историками-мавристами, поскольку, как и они, принадлежал к ордену Св.Бенедикта, монахи которого славились своей образованностью. Не исключено, что именно под влиянием этих работ он написал указанные статьи.
- 14 Feijóo. Teatro... Т.3. - Madrid, 1975. P.229.
- 15 Подробнее об этом см.: Кузьмичева Е.К. Указ.соч.
- 16 Feijóo. Tratados escojidos (Tratados...). Т.2. - Madrid, 1943. P.8.

- 17 Бахмутский В.Я. На рубеже двух веков // Спор о древних и новых. М., 1985. С.37.
- 18 Feijóo. Tratados. T.2. P.19.
- 19 Ibid. P.22. То же самое мешает и судьям выносить справедливые приговоры. Фейхоо часто сравнивал занятия историей с криспруденцией, так как считал, что успех в обеих областях зависит от памяти, знаний и честности самих историков и кристов.
- 20 Ibid. P.19.
- 21 Feijóo Teatro... T.1. Madrid, 1975. P.58-59.
- 22 Ibid. P.66.
- 23 Feijóo. Tratados... T.2. P.25.
- 24 Ibid. P.19.
- 25 Ibid. P.33.
- 26 Ibid. P.34.
- 27 Ibid. P.17.
- 28 Ibid. P.79.
29. Ibid. P.19.
- 30 Ibid. P.18.
- 31 Feijóo. Teatro... T.2. Madrid, 1973. P.103.
- 32 Всех жителей Испании с древнейших времен Фейхоо называет "есрапоles".
- 33 Ibid. P.112-113.
- 34 Ibid. P.108, 122.
- 35 Ibid. P.125.
- 36 Ibid. P.130.
- 37 Ibid. P.133. Фейхоо, как и другие историки Испании в XVIII в., полагал, что у вестготов король выбирался народным собранием; следовательно, народ несет ответственность за действия выбранного им правителя.
- 38 Ibid. P.134.
- 39 Ibid. P.136.
- 40 Ibid. P.150.
- 41 Ibid. P.152. В соответствии со своими суждениями о сущности и назначении власти, Фейхоо считал преступными действия короля, забывшего об "общем благе".
- 42 Ibid. P.151.
- 43 Ibid. P.157.
- 44 Ibid. P.163.
- 45 Ibid. P.160.
- 46 Ibid. P.165-203.
- 47 Forner J.P. Oración apologética... P.141-181.
- 48 Feijóo. Teatro... T.1. P.211.
- 49 Подробнее об этом см.: Menéndez Pidal R. Los esrañoles en la historia. Madrid, 1982. P.182-238. По мнению Менендеса Пигалья и других испанских историков, проблема "двух Испаний" занимает центральное место в наследии Фейхоо.

Некоторые тематически связанные материалы

И.Майский. Испания 1808-1918 гг.
(исторический очерк)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80399924.htm>

Эпоха Великой французской революции:
проблемы истории и историографии
/ Межвуз.сб.науч.тр.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p66282955.htm>

Человек эпохи Просвещения / сб. науч. трудов
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p58779754.htm>